

Рая провернула ключом, и дверцы старого дубового шкафа, слегка хрустнув от ветхости, отворились.

– Ты мой хороший. Что, разохся совсем? Э-эх, моложе меня, а вон как кряхтишь – не стыдно? Сейчас мы тебя проветрим, протрём и смажем. Ты ещё поживешь, мой дорогой, послужишь. Вон какой гладкий, – она ласково провела рукой по прохладной полированной поверхности.

Из шкафа пахло мандариновыми корочками, разложенными с осени от моли. Каждый год 31 декабря Рая разбирала весь шкаф, тщательно перетряхивая белье, протирая каждую полку и вешалку, просматривая каждую вещь на предмет дырочек. Так делали ее бабушка и мама. Так могли бы делать ее дети.

Прямо перед ней рядком висели, отгороженные от других, несколько платьев. Когда отцу дали эту квартиру, Рае было двенадцать лет. Они переехали в ноябре, в середине учебного года. У неё не получалось привыкнуть к новой школе, друзей не нашлось, а из-за высокого роста ей всё время хотелось куда-нибудь спрятаться. Родные понимали, как Рае тяжело, но отложить переезд было нельзя, а ездить на другой конец города в старую школу оказалось слишком долго. Как-то под Новый год, увидев в очередной раз её слезы, отец открыл шифоньер и достал большой сверток в грубой серой бумаге, перевязанный бечёвкой:

– Держи, Раечка. Это тебе для поднятия боевого духа!

Отец и раньше старался побаловать её, как младшую, но подарок такого размера бывал только на день рождения! Она с предвкушением развязала бантик и развернула бумагу: новенькое бирюзовое шифоновое платье пахло счастьем. От восторга она не могла вымолвить ни слова. Такой красоты не было не только в мамином гардеробе, но и вообще не встречалось ни у кого из ее знакомых! Рая бросилась целовать отца.

На радостный визг из кухни пришла мама и с деланной сердитостью заворчала:

– Ты посмотри на него: не мог подождать две недели до праздника!

Рая танцевала в обнимку с платьем. Плиссированная юбочка кружилась каруселью. Ощущение волшебства переполняло до слёз.

– Надевай, Раечка, конечно, надевай! – улыбнулась мама. – Когда ещё отец такую красоту достать сможет.

– Вот они, женщины! Только одно платье подарил, так они уже о новом рассуждают!

– Да что ты, папулечка! Ты можешь мне долго-долго ничего не покупать! Спасибо тебе, преспасибо!!

– Долго-долго – это, конечно, хорошо, но не обязательно. Руки-ноги есть, а трудящемуся человеку в нашей стране всегда работа найдется. Будут тебе ещё платья!

– Ну-ну, наобещаешь еще дочери! А у нас из мебели один шифоньер!

– Вот и наш казначей вмешался! – папа с улыбкой приобнял мать. – Я и не говорю, что каждый год. Всё купим, всё будет. А раз в пятилетку я обещаю моей дочери самое красивое платье. Уж если они там на всю страну могут планировать, то на своих девочек и я смогу.

Платья действительно хватило на «долго-долго». Оно было длиннее на целую ладонь, брали на вырост. Мама заботливо подшила подол и каждый год отпускала по два сантиметра. Рая надевала платье только на самые важные праздники, и каждый раз все расспрашивали родителей, где достали они своей дочке такую красоту.

Вслед за первым бирюзовым, Рая достала из шкафа шёлковое коралловое платье с кружевным накладным воротничком. Этим летом она видела такие воротнички у молоденьких девушек. Мода возвращается! Папа сдержал обещание: через пять лет он подарил ей это платье. Совсем взрослое, элегантное, с расшитым белым кружевом пояском. Мама в тот год совсем ослабла. Она лежала в комнате возле наряженной елки и любовалась на Раю: «Ты пока не надевай его никуда, впереди выпускной – будешь самой красивой!».

А через три месяца, первого апреля, мамы не стало. На выпускной Рая, конечно, не пошла, да и в ближайшие полтора года не ходила ни на какие праздники. Настроения хватало лишь на вечернюю учёбу и работу днём в лаборатории института. Платье она надела только на втором курсе, на свадьбу брата. Зря надела: весь вечер хотелось убежать и вдоволь наплакаться, вспоминая тот последний мамин Новый год.

Вот и сейчас слёзы снова подступили, но теперь это были слёзы нежности и любви. Отболело. Рая неспешно вынимала свои сокровища: вот платье на окончание института. Бархатное, с коротким рукавом и широким поясом. Она тогда уже сама копила, откладывала с каждой полочки. И когда на Новый год отец подарил шкатулку для украшений, и не подумала напоминать ему про «пятилетку». Но, к ее удивлению, после удачной зимней сессии отец принёс точно такой же, как десять лет назад, сверток:

– Раечка моя, самая умная! Вот держи, пусть хоть этот выпускной будет для тебя счастливым! Новая жизнь у тебя начинается! Трудовая, полноценная, радостная!

Отец, так искренне и полно умевший любить свою семью, страну, работу, всегда верил в достойную жизнь каждого трудящегося челове-

ка. Он успел уйти из жизни до того, как страна начала разваливаться, а трудящиеся люди перестали получать зарплаты. Он подарил ей четыре восхитительных платья. Конечно, покупали и другие, обычные, как у всех. Но раз в пять лет в гардеробе появлялась настоящая красота.

Последний папин подарок был перед московской Олимпиадой. Рая раздобыла билет на лёгкую атлетику: выменяла у Людки из чертёжного отдела на джинсы. Тогда она уже устроилась после института на ювелирный завод. Джинсы, конечно, было жаль, тем более, что у Раи они были одни, а у Людки несколько пар! Людкин брат работал каким-то чиновником в министерстве, и ему билетов на Олимпиаду дали целую кучу. Свою сестру, как ни просили родители, он к себе пристраивать не хотел (глуповатая она была и очень болтливая), но регулярно откупался дорогими подарками. Тогда на заводе Людка чего только не выменяла на эти билеты, а себе оставила на закрытие, о котором потом ещё несколько месяцев трещала в каждом перерыве.

Всё равно Рая была счастлива: её знакомые надеялись посмотреть Олимпиаду только по телевизору, и то если с работы будут отпускать. Ей и завидовали, и наставляли, как завязать знакомство: в свои двадцать семь она всё ещё была не замужем. В марте папа подарил ей польское летнее платье: сверху белое в сиреневую мелкую клетку с непривычно глубоким декольте, а от пояса белое вразлет с сиреневой прострочкой на подоле. За столько лет Рая так и не смогла выведать, где и по чьему совету папа доставал ей такие модные и редкие наряды. На фоне девушек, неспешными потоками направлявшихся к стадиону, Рая заметно выделялась. На неё оборачивались, с интересом разглядывали, возможно, принимая за иностранку. И вот она сидит где-то на галёрке с армейским биноклем брата и разглядывает пёструю толпу зрителей: другие лица, иностранная речь, стойкий запах духов, инопланетного вида фотоаппараты. К ее удивлению, женщины из Западной Европы, обозначавшие себя маленькими флажками Франции, Италии или Испании, в основном были одеты в тогда ещё не известные в Союзе платья-сафари, достаточно унылой расцветки, больше похожие на рабочую одежду. На стадион Рая смотрела редко: спорт её никогда особо не интересовал.

– Извините, что отвлекаю, но разве на трибунах тоже кто-то бежит? – высокий мужской голос донёсся откуда-то снизу. С переднего ряда на неё в упор смотрел смуглый молодой человек лет тридцати.

Рая покраснела, представив, как давно он на неё смотрит, а она водит биноклем по всей арене. Сколько её ни учили подруги, она совсем растерялась и не могла завязать беседу, только смущенно улыбнулась.

– Вот там, на девятой дорожке бежит мой друг. Ему нужна поддержка! – паренек говорил с сильным акцентом, дополняющим его образ волшебного принца.

– А я как раз туда смотрю. Я с удовольствием за него поболею!

– Не получите! – рассмеялся паренёк. – Там всего восемь дорожек! Это шутка!

Рая смутилась еще больше.

– Меня зовут Марко! – паренёк, не обращая внимания на уставившихся на них соседей, продолжал кричать ещё громче. – По-моему, бег – это очень скучно! А у вас в городе есть что-то интересное?

– Да, конечно. У нас очень красивый город! Много интересных мест и памятников архитектуры, – Рая говорила, как по учебнику. Она впервые общалась с иностранцем. В институте она видела индусов

и африканцев, но ни разу к ним не подходила. Да это было совсем другое.

– А я в Москве в первый раз, бывал только в Ленинграде. Меня зовут Марко! По-вашему Марк!

– А меня Рая, – наконец поняла она его намек.

– Рая? Как там? – он показал пальцем в небо. – Очень красивое имя! Покажете мне город после бега?

Рая почувствовала, как залилась краской, опустила голову и только украдкой кивнула. Оставшиеся пару часов она сосредоточенно изучала всё происходящее на стадионе, стараясь запомнить имена, дистанции и прочие детали, на всякий случай.

После соревнований Марко пригласил её в кафе рядом с ареной. Прохладные залы, живая музыка, за столиками много иностранцев, и Рая вместе с другими счастливицами! Хорошо, что не пожалела джинсы!

– А откуда вы знаете русский?

– О, я несколько лет жил в России! Четыре года учился в русской школе! Даже плохие слова выучил! Мой папа – он инженер, помогал строить фабрику в Тольятти. Мы там жили, но недолго, там сложно было со школой. Потом уехали с мамой в Ленинград, а папа к нам приезжал на выходные. Он строил фабрику автомобилей, у вас её называют завод. Знаете у вас наши машины «Фиат»?

– Кажется, не слышала. У нас есть «Волга», «Жигули»...

– Вот-вот, эти ваши «Жигули» – это наш «Фиат-124»!

– Правда? Странно, никогда бы не подумала.

– Его немного поменяли: у вас проходило много испытаний разных машин. И нужен был завод. Да, это была грандиозная стройка! Завод создавали с нуля, тогда все детали везли из других стран! Папа рассказывал очень много смешных историй!

Марко так активно жестикулировал, что случайно толкнул бутылку с пепси-колой: она покачнулась и со звоном упала на столик. Карамельная пена побежала сотнями пузырьков по стеклянной поверхности и мелкими водопадами потекла прямо на Раю. Мгновенно отскочив, она всё-таки не смогла уберечь платье: бурое пятно на глазах разрасталось на белоснежном подоле.

– О, простите! Какой я неуклюжий! Я просто разволновался от вашей красоты!

– Не отстирается... – Рая почти готова была расплакаться.

– Не переживайте! Всё будет хорошо! Как я мог расстроить такую потрясающую девушку!

Рая слышала его комплименты, но они её только злили. Иностранец – это конечно редкость, но такое платье в Союзе – редкость не меньшая. Да и Марко уедет через несколько дней, оставив лишь приятные воспоминания, а платье – она успела его надеть только один раз, а рассчитывала блеснуть в нём ещё в стольких праздниках!

– Вы так расстроились из-за этого пятна? Я обязательно куплю вам новое платье! Хотите – прямо сейчас? Пойдёмте, в любой магазин!

– В любом такого не купишь...

– Тогда мы купим ещё лучше! Самое красивое!

Конечно же, Рая не повела Марко ни в какой магазин. Не только потому, что ей хотелось произвести впечатление человека воспитанного, но и потому что прекрасно знала: хорошее платье в магазине не купишь. А объяснить это иностранцу невозможно. Следующие несколько

дней Марко старался компенсировать свою оплошность: дарил цветы, катал на теплоходике и водил в кафе. Всё было так красочно и легко. А потом пришло время прощаться. Они стояли в аэропорту, не зная, увидятся ли когда-то снова.

– Ты мне, пожалуйста, пиши! Давай не потеряемся. Приезжай ко мне на Рождество!

– Это немного сложно.

– Почему? Ты отмечаешь Рождество с родными?

– Нет, что ты, мы Рождество не отмечаем.

– Тогда что же? Лететь всего три часа до Рима, а там я тебя встречу и дальше на поезде!

– Сложно выехать. Для этого нужен повод.

– А я разве не повод? Это ты нашла повод отказаться. Я думал, нам с тобой хорошо?

– Марко, ты смешной! – она нежно держала его за руку, иногда боязливо озираясь. – Мне очень понравилось с тобой общаться. Нужен повод, чтобы разрешили выезд из страны. Ты же знаешь, у нас с этим сложно.

– Но у тебя очень важный повод: я должен купить тебе новое платье! Так им и скажи! – он широко улыбнулся и поцеловал её при всех.

В Италию она к нему так и не доехала, но их общение продолжилось в дружеской переписке. Пятно, кстати, не отстиралось, и на платье пришлось сделать кармашек. Сейчас Рая с улыбкой разглядывала эту «доработку», а тогда жарким летом 80-го она в отчаянии обегала не один магазин тканей, чтобы найти лоскуток подходящего сиреневого цвета. Оно того стоило: платье до сих пор выглядело вполне свежо, а ведь она его носила несколько лет, бережно стирая детским мылом.

Марко сдержал обещание: он всё-таки подарил ей платье, пусть и через десять лет. Замечательное, наверное самое роскошное из тех, которые ей дарили. Марко приехал в девяностом. Тогда Рая уже решила отказаться от идеи с пятилетками: слишком сложно стало доставать вещи в перестройку. Страна ждала перемен, все были и истощены, и воодушевлены одновременно. Вот-вот должно было всё наладиться, и Рая решила просто подождать, когда страна наконец заживет свободно и богато, каждый день обсуждая эту будущую новую жизнь с коллегами в перерывах.

К тому времени Марко уже был разведён и по выходным воспитывал сына. В письмах они рассказывали друг другу обо всех жизненных поворотах, и когда Марко выпала возможность приехать в Россию, он за два месяца начал писать Рае о том, как они будут проводить время.

Они сидели в каком-то ужасно дорогом ресторане. Как и много лет назад, здесь тоже слышна была иностранная речь и хорошая музыка. Марко не столько постарел, сколько стал более мужественным. Он был наголо выбрит, но это ему удивительно шло, подчеркивало элегантность. Голос его стал ниже и мелодичнее, хоть на этот раз они больше молчали, нежели говорили. Вроде и так всё знали. Или, может быть, их жизни стали столь непохожими за эти десять лет... Рае казалось, что она выглядит и ощущает себя гораздо старше Марко. От этой мысли и странной роскоши, существовавшей в её стране, но где-то в параллельном, закрытом для неё мире, она начинала стесняться и даже раздражаться.

– Я снова предлагаю тебе приехать в Италию. Ты хочешь?

– Марко! Ты такой импульсивный! Мне очень приятно, но такие вопросы нужно хорошо обдумать.

– Я много думал. Я предлагаю тебе приехать насовсем. Или хотя бы на месяц, чтобы присмотреться.

– К чему?

– Рая, мы можем с тобой жить вместе. Мы много знаем друг о друге: характер, хобби, особенности работы, любимые вещи. Совместная жизнь – это не страсть, как я теперь понял. Это – взаимопонимание. Я много думал, Рая. Мне кажется, мы очень хорошо друг друга понимаем, чувствуем. Я постоянно практикую русский: у нас в компании много ваших эмигрантов. Как видишь, мы легко общаемся.

– Марко, это, конечно, звучит заманчиво. Но что я там буду делать? Где я найду работу?

– Я достаточно зарабатываю. А в Италии женщина может не работать, и её не будут осуждать.

– Дело не в осуждении, а в том, чем я буду заниматься?

– Чем? Ты будешь заниматься домом, своим мужчиной. Ты наверняка хорошо готовишь. У меня много родственников и друзей, они будут приходить к нам в гости. Ты будешь заниматься собой. Как все женщины: ходить в парикмахерскую и на массаж, покупать фрукты на базаре, что-нибудь шить, гулять с собакой.

– У тебя появилась собака? – Рая машинально поддерживала ход его беседы, как будто и не воспринимая всерьез обрушившееся на нее предложение.

– Нет, но я бы хотел. Я сам часто бываю в разъездах, ты же знаешь. Очень хочется приезжать домой, где тебя ждут. Ты понимаешь?

– Понимаю. Я бы хотела английского дога... Это такие высокие, с острыми ушами, знаешь?

– Нет, большого – это неудобно. Ему нужно много места, и он слишком много ест.

– Да, ты прав... – Всё это звучало так странно, как будто с киноэкрана. Ещё несколько лет назад Рая фантазировала о том, как Марко предложит ей выйти замуж. Как в фильмах – встанет на колени и откроет маленькую бархатную коробочку. Но сейчас... Всё-таки они такие разные... – Я не знаю, Марко...

– Я тебя не тороплю. Просто приезжай сначала хотя бы на две недели. Если нужно – я куплю тебе билет. А потом, если ты захочешь остаться, ты сможешь оформить себе документы. У вас сейчас всё очень сложно, этим можно воспользоваться, чтобы получить убежище. Подумай, у нас есть время. Но всё-таки мне бы не хотелось затягивать, я устал жить один.

Целую неделю они ходили вечерами гулять, потом ехали на ночь к нему в гостиницу, скудный интерьер которой возмущал Марко. Рая стеснялась привести его к себе в ещё более скудно обставленную квартиру.

На прощание Марко вручил ей бордовую коробку с золотой лентой:

– Я хочу, чтобы ты прилетела ко мне в этом платье. В аэропорту все будут смотреть только на тебя...

Это платье Рая помнила хорошо, хотя не разу его не надела. Желтое с золотыми нитями, струящееся почти до самого пола. Платье даже пахло чем-то заграничным, сейчас уже и не вспомнить точно. Она его «съела». Вскоре после отъезда Марко Раин завод вместе с лабораторией закрыли, а через пару месяцев сотрудники перестали

строить иллюзии, что кто-то о них позаботится. Рая обнаружила, что её профессия новой стране не нужна. И образование тоже оказалось невостребованным. Стране нужны были продавцы, вышибалы, официанты, бандиты. Первые полгода получалось протянуть на сбережениях. А потом пришлось продать платье. Оно прокормило Раю ещё добрых три месяца, хотя и очень скромно. Но за это время удалось устроиться учителем в школу. Зарплата, конечно, мизерная, но хоть какая-то. Рая не очень понимала, как работать с детьми, переживала первое время. Но дети быстро к ней привыкли, а через год появились частные ученики.

Что же касается Марко... Во всей кутерьме и страхе девяностых тот разговор превратился для Раи в какую-то добрую сказку. Очень старую, почти забытую. Марко напоминал о себе письмами и фотографиями. Но каждый раз, перечитывая их, всё сложнее ей было представить себя бесцельно расхаживающей по солнечным улицам или лежащей на диване в ожидании «своего мужчины». О чем им говорить? Чем заниматься вечерами в его маленьком городке? Что делать целыми днями, когда он будет в командировке? Да и можно ли всю жизнь поменять теперь... Она откладывала и откладывала решение. Ведь он всё-таки слишком «чужой», чтобы стать близким человеком. А Марко спустя пару лет снова женился, потом через четыре года развелся, всё также продолжая звать её в Италию, хоть и с меньшей настойчивостью.

О продаже золотого платья Рая не жалела: как будто и не для неё оно было – про какую-то другую жизнь. А о Марко намного лучше напоминало то самое, олимпиадное. Рядом с ним в шкафу висели два самых невзрачных «экспоната». Первый – подарок брата в восемьдесят пятом. После смерти отца он хотел продолжить традицию и привёз из Латвии что-то вроде сарафана. Со вкусом у брата было намного хуже, чем у папы, но сама забота очень трогала, и Рая подарок сохранила, надевая для простых выходов в магазин. Второе платье она купила сама в девяносто пятом. Денег заранее не накопила, потому и платье пришлось купить простое. Хотя для школьных праздников оно было в самый раз. После этого Рая решила обязательно откладывать с каждой зарплаты по чуть-чуть.

И вот в 2000-м Рая со старшими классами поехала в Чехию. Там девчонки, конечно же, выведали у любимой учительницы про её коллекцию. Платье выбирали всей группой. Ученицы приносили ей в примерочную лучшие, а потом Рая, смущаясь от такого внимания, выходила к ним, как на подиум, и терпеливо слушала комментарии. Выбирали два дня, казалось, обошли все магазинчики Праги. Раю до слёз трогало такое внимание. Остановились на серебряном вечернем платье с рукавом три четверти. Пришлось разориться и на туфли. Рая вздыхала, что и носить эту красоту некуда, на что девчонки шутливо обижались: а разве их выпускной не повод.

В школе слух о её традиции «платьев-пятилеток» быстро долетел до учительской. Да и наряд из Чехии пришлось показать. На выпускном вечере платье действительно смотрелось шикарно. «Рая Максимовна, да от вас глаз не оторвать!» – слышала она от многих. Тем теплее ей было, что эту вещь выбирали её ученики.

А спустя три года на её юбилей коллеги преподнесли сюрприз – платье в стиле индийского сари удивительного незабудкового цвета. На такое она сама бы не рискнула и посмотреть! Не по возрасту оно

казалось, да и какое-то сказочное. Даже сейчас она доставала его с особым трепетом, но вдруг на плече заметила зацепку.

– Э-эх! Это всё, небось, ты, старый скрипун! О твои петли, наверное, задела. Придется вправлять. Шёлк-то, вон какой, нежный, как бы следов не осталось.

Рая бережно отложила сари на кресло и потянулась к последней вешалке. На ней висело приятное сиреневое платье в мелкий серебристый цветок. Красивое. Но совсем «бессюжетное». Рая смотрела на него и не могла вспомнить ничего примечательного, что сопровождало бы покупку или вообще тот 2010 год. Вроде бы и деньги отложены были, вроде и выбирала долго. А вот вспомнить нечего...

* * *

Шкаф был разобран и протёрт, петли смазаны, зацепка успешно спрятана. Рая принесла с кухни чайник, чашку и коробочку с безе, поставила на столике, села в мягкое кресло и включила телевизор. «Голубой огонёк» уже начался.

– Ну, вот и год прошёл. В понедельник магазины откроются, надо будет сходить примерить то кружевное с накидкой.